

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Старенькая побитая голубенькая «четверка» без заднего бампера, по большому счету, давно уже отбегавшая свой «жигулиный» век, слегка пробуксовала на повороте, попав на ледяную корку, но быстро выровняла движение. Еще через сорок метров включился, часто мигая, сигнал поворота, и машина, неловко переехав несколько кочек, припарковалась у крыльца районного отделения милиции. Немолодой крупный мужчина, слегка пузатый, широкоплечий, закрыл машину на ключ и несильно подергал дребезжащую дверцу. Центрального замка в «четверке» никогда не было, и сигнализацию на эту машину никто никогда не ставил — привычный ключ заменял все, поскольку ни один из ума не выживший угонщик на такую машину не позарится.

Мужчина вздохнул, кашлянул, шагнул, походя дал пинка колесу, показывая свое настроение, взшел уже на крыльцо и начал было открывать дверь, когда услышал за спиной:

— Артем Палыч! Артем Палыч... — звали явно его.

Артем Палыч обернулся на голос и увидел молодого, лет двадцати пяти, человека среднего роста, приветственно поднимающего руку от другой машины, темно-красной «пятерки», ненамного новее, чем

его «четверка». «Пятерка» стояла ближе к углу здания ментовки и слегка заехала на тротуар.

Артем Палыч без звука прикрыл уже наполовину открытую дверь в райотдел. С крыльца, стараясь не поскользнуться, спустился осторожно, поскольку крыльцо было чищено только спереди, а ему идти следовало вбок, но зовущий не пошел к нему, а только рукой показал, приглашая к себе в машину. И Артем Палыч пошел в машину, зная, что просто так его звать никто не будет...

Он сел на заднее сиденье, потому что переднее пассажирское тоже было занято. Сиденье заскрипело, но заскрипело как-то совсем не так, как скрипели сиденья в «четверке». Там скрип был слегка морозным, колючим, здесь даже уютным. Наверное, оттого, что «пятерка», в отличие от его «четверки», не любила, кажется, сквозняки и была основательно утеплена. Машина по причине морозной погоды была включена, и печка грела так, словно ее дровами топили...

— Здравствуй, отец Георгий... — Артем Палыч протянул руку через плечо сидевшему вполоборота к нему священнику. Тот ответил на рукопожатие вяло, но пробасил солидно и громко:

— И ты, Артемий, здравствуй будь...

Только после этого Артем Палыч протянул руку водителю:

— И все-таки вы, товарищ старший лейтенант, на свободе... К сожалению...

Водитель руку пожал настолько сухо и крепко, что даже Артему Палычу, человеку наделенному не-

дужинной силой от природы, это было чувствительно. И усмехнулся в ответ на фразу Артема Палыча.

— Есть в мире, видимо, высшая справедливость... Вовремя вас на пенсию отправили... — ответил водитель. — Иначе уже любовался бы на «клетчатое небо»...

Он, кажется, не сильно смутился от неласкового к себе обращения.

— Господь правду знает... — авторитетно и тяжело, словно каждое его слово было весомым, заметил священник. — Ты по делу к ментам, или как?

— Или как... — ответил Артем Палыч с легким раздражением и даже вызовом. — От скуки... С кем выпить ищу...

— Хорошее дело... Тогда ко мне поехали... — Отец Георгий принял прямое положение на сиденье, спиной к Артему Палычу повернулся. Это означало, что уговоры окончены.

— Машину здесь оставить, что ли? — Артем Палыч согласился.

— А что ей тут, развалюхе, сделается... Здесь твою телегу знают... Поехали, Алексей... Сначала в магазин, стало быть, потом ко мне...

Алексей переключил скорость, резко сдал назад и лихо вырулил на дорогу. Артем Палыч хотел было предупредить его, что на повороте лед и машины заносит, но «пятерка», на удивление, в поворот вошла, не сбавляя скорости и ровно. И меньше чем за минуту докатила их до магазина. Артем Палыч хорошо знал, что денег у отца Георгия никогда нет, поскольку матушка всю ряску ему вытрясает, чтобы там ничего не завалилось, и потому достал бумажник.

— Не надо, — сказал Алексей, — я еще не пенсионер...

И пошел в магазин, оставив ключи в машине.

— Ты, отец Георгий, откуда Пашкованцева-то знаешь? — поторопился спросить Артем Палыч, зная, что после выпивки отец Георгий и вопросы-то слышать будет через один, и говорить будет больше тоже один.

— Его батюшка, светлый человек, тезка мой, тоже Георгий, у нас в Афгане ротой командовал... — В преддверии выпивки отец Георгий всегда начинал говорить громче, словно уже выпил. — На юбилее встретились, в Москве, разговорились...

— Какой юбилей-то?

— Полковнику Пашкованцеву семьдесят стукнуло... Он меня пригласил... Стал на старость лет верующим, как все порядочные люди, и вспомнил, пригласил... Он сам-то из нашенских мест. Потому Алексей здесь дом и купил... В той же деревне. Отец откуда... Потому, может, и меня пригласил... Юбилей, значит... Там я с сыном и познакомился... Потом случайно, когда назад ехал, в поезде столкнулся...

— Давно это было?

— Два месяца тому как...

Густой голос священника заполнял машину целиком. Да что там для такого голоса машина, если он любой собор до куполов, наверное, заполняет. Уж чем-чем, а голосом бог отца Георгия не обидел. А черт тоже в долгу не остался — и любовью к выпивке наградил...

— А где старший Пашкованцев служит?

— Семьдесят... Или оглох!.. Кто ж в семьдесят служит...

— Ну, служил...

— Там же, в спецназе ГРУ...

— Так ты что, тоже спецназовец? — равнодушно удивился Артем Палыч.

Он знал вообще-то, что отец Георгий воевал в Афгане, даже видел как-то его пьяным в голубом десантном берете, но о спецназе речи никогда не заходило.

— А мы знали тогда, что мы — спецназ, да еще — ГРУ?.. Мы что, мы солдаты были, мы думали, мы — десантура... Форма десантная... Правда, не понимали, почему десантному командованию не подчинялись, но думали, что рота какая-то у нас особая была... Тогда официально, Артемий, такого рода войск, как спецназ ГРУ, не существовало... Кругом, сам помнишь, секреты были... От нас, в основном, с тобой... Это американцы все про нас знали, а мы про себя — ничего... Потом только я старшего Пашкованцева встречаю, он уже подполковником был, тогда и узнал, что служил в отдельной роте специального назначения...

По улице мимо магазина и мимо машины шли прохожие, слыша голос, в машину заглядывали и улыбались, некоторые рукой махали, но священник их не замечал. Отца Георгия в райцентре знали все, хотя приход его отсюда был далеко. И младший Пашкованцев появился вовремя, потому что скоро вокруг них могла бы и толпа образоваться — издалека шла группа местных мужиков, которые часто у магазина

собираются. Уж они-то не упустили бы возможность отца Георгия послушать.

Алексей сунул стеклянно звенящий пакет в багажник машины и сел на свое место.

— Поехали...

* * *

Деревня, где жил отец Георгий, стояла в двух километрах от райцентра, вытянувшись вдоль дороги единственным рядом домов. По другую сторону дороги стояла только автозаправка, да кафе неподалеку, где обычно дальнобойщики и прочие проезжие подкармливались. Алексей Пашкованцев сворачивать к дому священника начал там, где спуск был неминуемо крутым, и Артем Палыч ожидал, когда услышит металлический скрежет под днищем. Но скрежета не последовало. Удачно проехали, хотя сам бы Артем Палыч, в здравом рассудке находясь, никогда бы не решился здесь спускаться — есть в стороне нормальная дорога, там и съехал бы. Сорок метров — не велик объезд. А этот спуск накатал сосед священника, на своем «уазике» едущий...

— Матушка-то дома? — Артем Палыч спросил с легкой опаской.

— Вот еще... На работе... Бухгалтерит...

Это прозвучало почти как «материт». А «вот еще» прозвучало как объяснение, что при матушке отец Георгий гостей бы не пригласил. Она гостей с выпивкой не любит, и это знали все...

Двор у дома священника был не огорожен, был огорожен только цветник с фасада да огород на зад-

ках. В сарайчике грозно пел петух, сообщая, что он не дремлет и не перепутал время суток.

— Проходите... — показал рукой священник на дверь. — У меня не закрыто... Я сейчас...

А сам по какой-то надобности в сарай направился. Может быть, корма курам бросить. Отец Георгий кур своих любил и гордился ими. Гордиться было чем: куры были какой-то редкой породы — красивые и непривычные взгляду местного жителя...

Алексей прошел в дверь первым, и Артем Палыч по поведению старшего лейтенанта понял, что он сегодня уже был здесь. Разделись, разулись. В доме было хорошо натоплено, и даже пол не отдавал холодом. Но дальше прихожей без хозяина не прошли.

— А вы-то что у ментовки делали? — спросил Артем Палыч словно бы между делом, хотя ему самому ответ мог бы многое сказать. Даже простая интонация ответа, потому что он хорошо умел читать интонацию. — Все еще следствие тянется?..

— Дело закрыли... Мы там вас ждали... Мне в прокуратуре сказали, что вы к ним не появляетесь, но обязательно в ментовку заедете...

— А что мне в прокуратуре теперь делать... — в голосе Артема Палыча прозвучала обида.

Алексей Пашкованцев хорошо знал, что, когда из прокуратуры начали выделять следственный комитет, многих следователей в новое подразделение не взяли. В том числе и Артема Палыча Строганова, которого отправили на пенсию не по возрасту, но по выслуге лет. Каждый глава следственного комитета подбирал себе сотрудников по своему усмотрению,

а со Строгановым не все могли мирно ужиться. Вот и итог...

— И на кой же... я вам понадобился? — поинтересовался Строганов.

Старший лейтенант замер без движений, чтобы подыскать правильные слова.

— Поговорить захотелось... — сказал после паузы. — По душам... Не возражаете?

И улыбнулся не жестко, с вызовом, как обычно улыбался следователю раньше, а почти просительно, по-человечески.

— Не очень понимаю, потому что человек я уже не служилый... — Артем Палыч положил руку на косяк дверного проема, но пройти из прихожей даже в коридор, не то что в комнаты, без хозяина не решился.

— Но опытный... Вот потому и хочется поговорить... Можете считать это частной явкой с повинной...

— Совет дать, думаю, смогу... — подытожил Строганов вступительный разговор.

Дверь открылась.

— Чего встали? Рюмки, что ли, не нашли... — сказал отец Георгий. — В кухню проходите...

* * *

За стол сели. Хозяин, как полагается, закуску выставил: грибы, огурцы, помидоры соленые. И поставил на стол только две рюмки.

— А-а... — показал Строганов на рюмки. — Ты что, отец Георгий, никак, постишься?

— До поста еще три недели... Алексей у нас не пьет...

— За рулем... — понял Артем Палыч.

— Не потому... — тихо сказал старший лейтенант

Пашкованцев. — Я вообще больше не пью... С того самого раза...

— Наливай... — поторопил хозяин Строганова.

Тот налил. Выпили сразу, без тоста, только едва коснувшись рюмками.

— А теперь слушать будем... Я, правда, уже слышал... И посоветовал вот тебя позвать... Чтобы ты, добрый человек, послушал... Потому как твое дело...

ГЛАВА 1

1

Дагестан, хотя и рядом с Чечней вроде бы находится, существенно отличается внешне от соседней республики. И пусть горы тоже Кавказом называются, но здесь Кавказ совсем иной. Нет уже привычных ельников, поднимающихся по невысоким хребтам почти до самых перевалов. В Дагестане больше навороченных каменных скал и кустов, не радующих разнообразием цвета. По идее, здесь даже «камуфляжку» следовало бы сменить, добавив в нее несколько оттенков коричневых тонов. Бандиты где-то себе такую «камуфляжку» раздобыли... Их почти не видно...

— Ерема, ползком вправо со своими... Поверху зайти попробуй... Под самые скалы... Если получится, не давай им голову поднять, когда мы перебежать начнем...

«Подснежниками»¹ во взводе снабжены только

¹ «Подснежник» — персональная коротковолновая миниатюрная радиостанция, состоящая из собственно радиостанции, которую легко спрятать в карман, наушника, убираемого прямо в ухо, и микрофона на гибком поводке, крепимого к воротнику.

командир, заместитель командира и три командира отделений.

— Понял... Выполняю... — зло отозвался командир отделения младший сержант Еремин.

Стас Еремин вообще парень от природы сухой и злой, что характером, что телом, из одних, кажется, сухожилий состоящий. Педантичный и точный, аккуратный во всем, даже в бою. Спуска ни себе, ни солдатам отделения не дает. И потому отделение у него отличное, хотя большей частью из молодых бойцов состоит.

— Страшный сержант! Попробуй из подствольника... По верхнему пулемету... Навесом...

— Понял... Я уже сам присматриваюсь...

В боевой обстановке, да еще когда ползешь, понятно, не говорят: «Понял, товарищ старший лейтенант».

В боевой обстановке вообще многое меняется, здесь даже солдат иногда офицера на «ты» зовет и сам этого не осознает, а офицер и не заметит.

Заместителя командира взвода, старшего сержанта Сережу Лопухина, во взводе все, включая командира, зовут «страшным сержантом». Наверное, за мягкий нрав и тихий, почти ангельский голос. Но ни нрав, ни голос не мешают Лопухину быть лучшим в батальоне гранатометчиком. Никто из подствольника не умеет так точно гранату послать, как Сережа. Будто рукой с места на место перекладывает, из ствола в точку...

Подствольник зычно ухнул. Кусты мешали рассмотреть, насколько эффективным был выстрел. Но, судя по тому, что замолчал пулемет, прячущийся на

небольшой каменной возвышенности, похожей на детскую снежную крепость, страшный сержант и сейчас не подвел.

Из-за спины несколько очередей раздалось. Пули в опасной близости над головами пролетели. А если бы командир или кто-нибудь перебежать в это время попробовал?! По этим очередям старший лейтенант Алексей Пашкованцев понял, кто стрелял.

— Собакин, разоружи ментов... Забери у них автоматы... Стрелять не умеют... — сердито прикрикнул Пашкованцев.

— С удовольствием... — отозвался командир второго отделения сержант Коля Собакин. — Я ментов с детства не люблю... Особенно вооруженных...

— А кто их любит... Даже безоружных... Покажи... — предложил лежащий на позиции перед командиром младший сержант Вася Русаков.

— Русаков... Из всех стволов, придавливаешь точки... Собакин, сдвигаешься к нам за спину... На бегу огневую поддержку Русакову... Готовы?

— Готов!

— Готов!

— Пошли...

Плотный огонь должен был бы заставить бандитов головы в плечи вдавить и из-за камней не высываться. Но они знали, что видно их плохо... Практически почти не видно... И потому несколько очередей навстречу прозвучало. И даже пулемет дал длинную затяжную очередь, впрочем, излишне высокую. Второй пулемет в низинке оказался, и его старались оттуда не выпустить. А из низинки и обзора

никакого, и сектор обстрела ограничен. Но все равно: пулемет — он и в Африке пулемет, и с ним стоит быть осторожнее...

* * *

На рассвете буквально в километре от выступивших на прочесывание местности спецназовцев четверо бандитов обстреляли на дороге две ментовские машины. Первую подожгли гранатометом, вторую искромсали автоматными очередями. Из шести ментов двое остались в живых. Сами они только вяло отстреливались, и неизвестно было, чем бы для них засада окончилась, если бы не подоспел взвод старшего лейтенанта Пашкованцева. Бандиты не просто отступили, они побежали, потеряв сразу двоих. Оставшихся двоих начали преследовать и сами напоролась на засаду. Хорошо, что у бандитов нервы не выдержали и они не подпустили спецназ на дистанцию кинжального огня. Иначе быть бы большим потерям. А получилось так, что кто-то один оказался слабохарактерным, дал преждевременную очередь, к которой остальные вынуждены были уже присоединиться. Старший лейтенант привычно сосчитал приблизительное количество стволов — около двадцати автоматчиков и два ручных пулемета. С пулеметами ошибки быть не могло, что касается автоматчиков, то в таком определении Пашкованцев мог ошибиться не больше, чем на пару стволов в ту или в иную сторону. Но все равно это была слишком большая банда, чтобы упустить ее просто так...

И спецназ вцепился в противника мертвой хваткой, преследуя по пятам уже в течение трех часов и

постоянно сокращая дистанцию. Во взводе пока был только один легкораненый, которого сразу отправили в штаб с донесением и с требованием подмоги, может быть, и с воздуха. Боевики за это время, по подсчетам старшего лейтенанта, потеряли шестерых. Несмотря на знание местных условий и усиление пулеметами, в обученности они спецназовцам значительно проигрывали. И Пашкованцев был уверен, что если помощь не подойдет и не прилетит, с боевиками через пару часов все равно будет покончено. А патронов на пару часов боя хватит, потому что просто так кусты и камни расстреливать спецназ не любит. Неприцельный огонь ведется только тогда, когда требуется прикрыть чье-то передвижение. Правда, передвигаться пришлось много, но это передвижение уже создало такую диспозицию, что бандиты теперь уже и с места двинуться не могли, чтобы не попасть под обстрел...

* * *

Иногда с позиции боевиков раздавались одиночные выстрелы. По звуку можно было определить, что стреляли из снайперской винтовки «СВД»¹, но настоящего снайпера в банде, видимо, не было, и еще раз нашла подтверждение старая истина, что не винтовка делает снайпера, а снайперская стрельба — это искусство. Не имея навыков, не пройдя школу, труд-

¹ «СВД» — снайперская винтовка Драгунова, калибр 7,62 мм, штатная снайперская винтовка Российской армии, по сути своей не являющаяся настоящей снайперской винтовкой, а только винтовкой, созданной на базе автомата Калашникова для увеличения дальности прицельной стрельбы.

но овладеть стрельбой через оптический прицел. И даже на такой сравнительно невеликой дистанции. Может быть, даже наоборот, на короткой дистанции автомат является более действенным оружием. Тем не менее винтовка начала досаждать...

— Собакин, где у тебя Лавров?

Ефрейтор контрактной службы Юра Лавров еще в срочную службу закончил снайперскую школу. Звезд с неба не хватал, но работал грамотно и надежно.

— Недалеко от меня лежит...

— Спроси, винтовку слышал?

— Он сам про нее говорил...

— И что?

— Хочет вправо забраться... Где повыше...

— Пусть забирается... Дай ему кого-нибудь в прикрытие...

Наушник донес отдаленные голоса:

— Все в порядке... Они пошли...

У ефрейтора Лаврова бесшумная снайперская винтовка «винторез». По дальности боя она с «СВД» состязаться не может, но на такой дистанции дуэль снайпера со снайперской винтовкой в руках «чайника» может закончиться только с единственным результатом.

— Если начнут обстрел, прикройте Лаврова огнем... Собакин... Русаков...

— Я тоже на месте... — сообщил младший сержант Еремин. — Видно не все, но лучше...

— Лаврова видишь?

— Вижу, как кусты колыхнутся...

— Прикрой тоже...

Очереди сверху справа стали раздаваться чаще.

Видимо, у Еремина в самом деле была неплохая позиция, потому что стрелять просто так никто бы не стал.

— Мы их достаем, командир... Двоих точно достали... Может быть, даже четверых, но здесь я гарантию дать не могу...

И пулемет перенес огонь на возвышенность под скалами. Значит, отделение Еремина доставляет бандитам неприятности.

— Страшный сержант, второго пулеметчика накрыть можешь?

— Мне его не видно...

— А на слух?

— Здесь профиль неровный... Звук гуляет... Я попробую...

Старший сержант Лопухин долго старался уловить по звуку местонахождение пулеметной точки. Старшему лейтенанту Пашкованцеву хорошо видно было, как Сережа приподнялся на колено, прячась одновременно за кустом, прижал рукоятку автомата к плечу и взялся за рукоятку подствольного гранатомета. Автомат в небо смотрел, выискивая правильную траекторию для навесного выстрела. Но пулемет, как будто пулеметчик почувствовал что-то, смолк.

— Ерема, пулеметчика оживи...

Справа сверху почти сразу за командой раздались несколько автоматных очередей. И пулемет ответил на них, как огрызнулся. Так большая сильная собака отвечает на лай мелких дворняжек. Только старший лейтенант Пашкованцев знал, что не размер собаки определяет ее бойцовские качества. Маленький ягдтерьер в своей ярости может и кабана, и

медведя на месте держать. Так и автоматы могут доставить пулеметчику неприятности. А особенно автоматы с подствольником...

Ствол в руках старшего сержанта Лопухина едва заметно пошевелился сначала в одну сторону, потом наполовину назад, последняя корректировка была внесена, и раздался гулкий выстрел. Пулемет замолчал одновременно со взрывом гранаты...

— Вот ни хрена себе... Лопух, кажется, пулеметчику по затылку попал... — сказал сверху младший сержант Еремин.

— Он это может... — привычно скромно одобрил себя Лопухин.

— Только вот, к несчастью, пулемет цел... Его кто-то за ствол к себе перетаскивает... Лента зацепилась, не дает...

— Руки оторви, чтоб не лапал... — посоветовал сзади Собакин.

Сверху усилился огонь, отдать пулемет в руки кому-то другому спецназовцам не хотелось.

— Оторвали, — обыденно доложил младший сержант Еремин. — Кажется, вместе с головой...

— Так и не подпускай никого к пулемету... Что там у Лаврова? Ерема, тебе видно?

— Кусты шевелятся...

— Долго же они шевелятся...

— А они, кажется, в обратную сторону шевелятся...

— Что-то ихнего снайпера не слышно... — сказал старший лейтенант.

— Может, Лавров уже сделал дело? — предположил сержант Собакин. — Он шустро стреляет, не как мы...

— А что ему внизу делать? Стрелял бы сверху... — высказал Пашкованцев недовольство. — Не сообразил, что ли?

— Командир... У нас раненый... Лавров напарника тащит...

— Помогите ему... Доложите — что там...

Верхние кусты простреливались боевиками лучше, и потому раненого вытаскивали долго. Только через семь минут сержант Собакин доложил:

— Снайпер Соломатина снял... Когда они уже залегли с Лавровым. Ранение в области правой ключицы ближе к груди, пуля пошла вдоль тела. Выходного отверстия нет... Лавров снайпера уничтожил...

— Обеспечь перевязку. Оставь Соломатина на ментов... Он сам как, в сознании?

— В сознании, только говорить не может... Сукровица изо рта...

— Легкое задето... Скажи, я приказал поправляться... Что менты?

— Перевязку делают. Это умеют...

— Нормально. Пусть с ним остаются, — распорядился Пашкованцев. — Будут еще раненые, относить туда же. Всем готовиться, скоро начнем выбивать... Зарядили подствольники... Приготовили запасные гранаты...

* * *

С чеченскими боевиками такая тактика действовала безотказно. А чеченские боевики имели намного более солидный боевой опыт, чем дагестанские бандиты. Хотя многие дагестанские бандиты начинали свою бандитскую карьеру именно в Чечне и инди-

видуального опыта тоже набрались, все же в коллективных и в командных действиях обычно они проявляли слабость. Не зря все же чеченцы ездили на подготовку в зарубежные лагеря, где занятия проводили хорошие арабские специалисты. Но старший лейтенант Пашкованцев помнил это хорошо из личного опыта, даже чеченцы могли дрогнуть от подобных действий. Слишком сильна была психологическая нагрузка, которую не все могли выдержать. Взвод же Пашкованцева давно и до автоматизма отработал эту ситуацию.

— Первое отделение?

— Готово! — отрапортовал младший сержант Еремин.

— Второе отделение?

— Готово! — сообщил сержант Собакин.

— Третье отделение?

— Готово! — рапортовал младший сержант Русаков.

— Огонь!

Тридцать автоматов одновременно с двух сторон и с трех уровней высоты начали поливать очередями узкое пространство между скалами. Крошились камни, срезались пулями кусты.

Вторую команду можно было не давать, потому что каждый командир отделения знал продолжительность первого этапа и скоординировал бы самостоятельно, но все же старший лейтенант сказал:

— Отставить! Пять секунд...

Это значило, что следовало неторопливо сосчитать до шести...

Пауза в пять секунд заставляла боевиков поднять

головы и автоматы. После такого массированного огня, заменяющего артподготовку, обязательно должна была бы следовать лобовая атака, так, по логике, казалось каждому. А чтобы атаку встретить, нужно мужественно поднять голову, подготовить оружие и приготовиться к стрельбе, то есть отыскать цель. А для этого следовало даже шею вытянуть, потому что боевики никого перед собой не видели.

— Давай! — скомандовал Пашкованцев, но скомандовал одновременно с тем, как выдали по выстрелу одновременно тридцать подствольных гранатометов. Площадь поражения при этом должна была быть значительной, поскольку стрельба велась с разных точек.

— Десять секунд... — прозвучала команда.

Каждый боец должен сосчитать до одиннадцати. И одновременно со счетом зарядить подствольник и сменить рожок у автомата...

— Огонь...

И опять полетела пыль от камней, опять посыпались с кустов листья и ветви...

— Пять секунд...

Гранатометы ухнули так, что в ушах у всех застрял гул.

— Вперед!

По этой команде нужно было не только вперед бежать, следовало еще и очередной рожок в автомате на бегу сменить, и подствольник перезарядить. Все это было сделано на первых десяти шагах. А дальше уже и командовать не надо было. Боевики бежали в узком пространстве между скал, в том самом пространстве, которое они заняли, мысля себя, как три-

ста спартанцев, защитниками непроходимого места. Но массированного обстрела нервы не выдержали. Обычно они не выдерживают только у одного-двух... Всегда бывают такие... Но единичный или сдвоенный испуг с такой страстью выплескивается наружу, что остальных заражает моментально. Срабатывает психология толпы. Побежал первый, убегают все... Их и убегало-то всего восемь человек. Убегало без надежды на спасение, только из-за страха, заставившего забыть, что спасение не на открытом месте, а исключительно за камнями, которые страх заставил покинуть. Беглецов преследовали и просто расстреливали.

— Ни одного не отпускать! — крикнул в спину обогнавшим его солдатам старший лейтенант. Он не так быстро бежал, чтобы всех обогнать. Не было надобности, потому что солдаты свое дело знали и завершили бы все без него.

Пашкованцев не услышал очереди сзади. Он не видел, как раненый бандит поднял над землей голову с глазами, залитыми кровью, ничего не смог перед собой рассмотреть, но нажал на спусковой крючок автомата, который все еще держала рука. Больше он выстрелить не успел, потому что пробегающий мимо солдат без остановки дал очередь в спину бандиту. Но было уже поздно, потому что две пули все же попали старшему лейтенанту в ногу, хотя он сразу и не почувствовал это. Просто было какое-то легкое неудобство в икре, похожее на судорогу, мешающую бежать, потом, через три длинных шага, старший лейтенант ощутил, что нога почему-то стала слушаться хуже, а еще через три шага Пашкованцев попросту

споткнулся и упал на одно колено. И только после этого пришла боль.

Алексей уже был однажды ранен в Чечне и хорошо знал, что такое ранение, на примере других понимал, что если бы была задета кость, то он и последние шесть шагов пробежать бы не смог. Значит, поражены только мягкие ткани, а такое ранение только сильно кровоточит, но быстро заживает и вообще угрозы для жизни обычно не представляет...

Санитарный пакет всегда лежал в одном и том же большом кармане разгрузки. Разорвать его и наложить тройной широкий тампон и бинт прямо поверх штанины — дело двух минут. Но торопиться было некуда. Бой уже закончился, и солдаты связывали за спиной руки у оставшихся в живых боевиков, собирали оружие и осматривали раненых.

— Потери в ходе атаки есть? — не прерывая перевязку, спросил Пашкованцев.

— Есть, — сказал старший сержант Лопухин. — Ранен командир взвода, и мне пулей мочку уха задело. Остальные в норме...

Закончив перевязку, старший лейтенант вытащил из кармана под бронезилетом, где берег ее от ударов, трубку мобильного, проверил, есть ли связь, и набрал номер дежурного по комендатуре:

— Здравия желаю, товарищ майор. Старший лейтенант Пашкованцев...

— Да, старлей... У меня записано, что ты на прочесывание вышел...

— Докладываю. На дороге бандиты устроили засаду на две ментовские машины. Менты перебиты, кроме двух сержантов... Сержанты с нами. Мы по-

доспели по ходу перестрелки, двоих бандитов подстрелили сразу, двоих преследовали... Потом они соединились со своими основными силами. Мы без подготовки вступили в бой с большой бандой, ориентировочно около двадцати человек... Наш раненый пришел?

— Нет пока...

— Должен вот-вот быть... Банда уничтожена полностью. Есть раненые. Солдат — тяжелое ранение, офицер — легкое...

— А кто с тобой еще из офицеров?

— Я один...

— Ты, что ли, ранен?

— Так точно...

— Что требуется?

— Вертолет за тяжелым раненым... Его снайпер поймал...

— Понял, запрашиваю... Ты сам как, нормально?

— Нормально...

— Дождешься прокуратуру?

— Пусть гонят... И на дорогу тоже...

— На дорогу уже выехали... Мы так и не поняли, что там произошло... Думали, двух ментов бандиты захватили...

— Я жду... — Пашкованцев отключился от разговора, резко встал и тут же присел — нога держала с трудом.

— Навылет? — спросил младший сержант Русаков.

— Нет, Василий... Две пули в ноге...

— Это хуже... Когда навылет, заживает быстрее и без последствий...

— Какие тут последствия... — махнул рукой стар-

ший лейтенант. — Я после ранения еще бежал... Кажется, и стрелял даже...

— Это в горячке... Потом другая горячка начнется... Сейчас резать раны надо, пули извлекать... Разрезанные мышцы уже не здоровые мышцы... На пару недель в госпиталь загремите... Потом в отпуск по ранению отправят...

Младший сержант Русаков вояка опытный. Срочную службу воевал, потом по контракту воевать начал. В общей сложности — уже шесть лет... Его пытались даже в военный институт отправить учиться, Русаков офицером стать не захотел. И от школы прапорщиков тоже отказался. Такие у него причуды...

— Ты вот что сделай, дружище... Пулемет, который получше, чтобы без ремонта, присмотри и прибери к рукам... Я в рапорте только один пулемет отмечу... Нам пулемет нужен... И патроны к нему... Чуть-чуть только «на развод» им оставь, остальные забери... И пулеметчика себе назначь... Из надежных... Парней предупредить не забудь... Наш пулемет, а у бандитов только один был... Который гранатой разбили...

2

Следственную бригаду прокуратуры дожидались на месте. Но до следственной бригады прилетел санитарный вертолет, вертолетчики, пока врач осматривал, а санитары грузили раненого рядового контрактной службы Соломатина и раненых, но все же надежно связанных, несмотря на это, боевиков, попытались развернуть среди солдат торговлю. Основным товаром были сигареты, продаваемые по трой-

ной цене, но курящих во взводе было всего трое, да и те собирались бросать и даже обещали командиру сделать это вскоре. Служба в спецназе требует чистых легких и здорового сердца. Так что торговля не пошла...

— Если хоть бутылку водки, товарищ майор, солдатам продадите, я вам весь оставшийся запас перебью... Парой очередей... — предупредил старший лейтенант Пашкованцев, зная про эти «летучие лавки» больше командира экипажа.

— Не слишком ли ты грозен, старлей... — оторопел майор от такой наглости.

— Если я предупреждаю, то за свои слова отвечаю... А потом попробуйте доказать, что я был не прав и у вас в кармане лицензия на торговлю водкой в войсках, подписанная лично министром обороны...

Это была уже вторая угроза. Первая — относительно личных жестких действий, вторая — угроза законом. Какая-то из них на майора подействовала, но, может быть, обе одновременно.

— Ну-ну... — проворчал летун, смерил сидящего на камне раненого Алексея сверху вниз тягучим тяжелым взглядом и насмешливо спросил, кивнув на перебинтованную ногу:

— С нами летишь?

— Пешком хожу... Я к нетрезвым таксистам в машины не сажусь...

— Ну-ну... — не отреагировал майор на очередную порцию наглости.

Но команду двум своим коллегам дал, и водку солдатам никто не продал. И для себя старший лейтенант тоже не попросил, хотя сейчас ему очень бы

кстати пришлось граммов двести, потому что нога, по прошествии разгоряченного состояния, начала болеть и болела все больше. Но запретить пить солдатам и пить при этом самому, по пониманию Пашкованцева, было не слишком порядочно. И он просто поскрипывал от боли зубами. А скоро почувствовал, что, кажется, и температура начинает подниматься.

Вертолет улетел...

Пашкованцев не строил иллюзий на моментальное выздоровление после извлечения пуль, понимая, что это не две занозы, и знал, что провалывается какое-то время в госпитале и потом еще не скоро перестанет прихрамывать. И потому сразу достал планшет, чтобы написать рапорт о текущих событиях и не заставлять потом командование бегать за этим рапортом в госпитальную палату. Солдаты тем временем собрали и сложили рядом все трупы боевиков. Их насчитали двадцать три. Да плюс два у дороги, когда четверка бандитов, атаковавшая ментов, понесла первые потери. Итого двадцать пять человек за одно утро. Приятного испытываешь мало от такой работы, хотя командованием работа и должна считаться очень удачной. Однако сам старший лейтенант за несколько лет войны в Чечне так и не привык не считать тела убитых за людей, которые несколько часов назад еще были живы. Отец, полковник в отставке, прошедший Афган и видевший на своем веку много смертей, сказал когда-то сыну:

— А ты подумай, что у каждого из этих людей где-то есть матери, жены, дети... И они любят их, ждут, страдают, как твоя мать...

Правда, сказано это было не про бандитов, а про